

Литературная жизнь сюжета

УДК 82-1, 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-5-25

Об английском источнике и русских литературных связях баллады Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила»

Л. А. Курышева

*Институт филологии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Определена сюжетная основа стихотворения Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила». Старинная русская баллада (1810) – баллада «Храбрый Алонзо и прекрасная Имоджина» из романа М. Г. Льюиса «Монах» (1796). Для установления вероятного источника знакомства с льюисовской балладой помимо английского оригинала к сравнению привлечены русский (1803) и французский (1797) переводы романа. Сопоставление текстов приводит к выводу о непосредственном знакомстве автора с английской балладой на языке оригинала. Для придания балладе национального колорита Грамматин использовал условно-исторический фон, архаизированную лексику, а также образы и речения национальной эпической традиции. Доказано использование Грамматиным при создании баллады мотивов русских былин на схожий сюжет АТУ 974 «Муж на свадьбе жены» из сборника Кириши Данилова – о Соловье Будимировиче (контаминация двух сюжетов – о сватовстве и возвращении мужа к свадьбе жены) и о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (сюжет о возвращении мужа к свадьбе жены). Основанием для сведения этих разных источников – якобы старинной испанской баллады об Алонзо и Имоджине (так она представлена Льюисом в романе) и русских былин – стали общие воззрения Грамматина на древнюю поэзию. Выявлены авторские акценты в популярном сюжете. По сравнению с английским образцом Грамматин усиливает тему небесной кары за вероломство: жених-мертвец приходит не только во исполнение обета верности, прежде всего он – посланец небес, посланец карающего Бога. Рассмотрены связи стихотворения Грамматина с балладными опытами Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, И. И. Дмитриева, П. А. Катенина, С. П. Жихарева и др. современными произведениями.

Ключевые слова

русская литература 1790–1810 гг., баллада, Н. Ф. Грамматин, М. Г. Льюис, АТУ 974

Для цитирования

Курышева Л. А. Об английском источнике и русских литературных связях баллады Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила» // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 5–25. DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-5-25

© Л. А. Курышева, 2021

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2021, no. 1

On the English Source and Russian Literary Connections of N. F. Grammatin's Ballad "Uslad and Vsemila"

L. A. Kurysheva

*Institute of Philology SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The plot basis of the N. F. Grammatin's "Uslad and Vsemila. Old Russian Ballad" (1810) – the ballad "Alonzo the Brave and the Fair Imogine" from the novel "Monk" by M. G. Lewis (1796) is determined. To establish the probable source of acquaintance with the Lewis's ballad, in addition to the English original, Russian (1803) and French (1797) translations of the novel were used for comparison. Comparison of the texts leads to the conclusion that the author is directly acquainted with the English ballad in the original language. To give the ballad a national flavor, Grammatin used a conventional historical background, archaized vocabulary, as well as images and expressions of the national epic tradition. It has been proved that Grammatin used motives of Russian epics to create a ballad on a similar plot ATU 974 "The Homecoming Husband" from the collection of Kirsha Danilov – on Solovei Budimirovich (contamination of two plots – the matchmaking and the return of a husband to his wife's wedding) and on Dobryna Nikitich and Alyosha Popov (the return of the husband to his wife's wedding). The basis for combining these different sources – the supposedly "old Spanish ballad" on Alonzo and Imogine (as it is presented by Lewis in the novel) and Russian epics – were Grammatin's general views on ancient poetry. Revealed the author's accents in a popular plot. Compared to the English sample, Grammatin reinforces the theme of heavenly punishment for treachery. The bridegroom-dead comes not only in fulfillment of the fidelity's vow, first of all he is the messenger of heaven, the messenger of the punishing God. The connection of Grammatin's poem with the ballad experiments of N. M. Karamzin, V. A. Zhukovsky, I. I. Dmitriev, P. A. Katenin, S. P. Zhikharev and other contemporary works are considered.

Keywords

Russian literature of 1790s–1810s, literary ballade, N. F. Grammatin, M. G. Lewis, ATU 974

For citation

Kurysheva L. A. On the English Source and Russian Literary Connections of N. F. Grammatin's Ballad "Uslad and Vsemila". *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2021, no. 1, p. 5–25. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2021-1-5-25

Публикация В. А. Жуковским в 1808 г. в «Вестнике Европы» «Людмила», подчеркнуто русской вариации баллады Г. А. Бюргера «Ленора», открыло новую страницу в истории русской литературы. «Людмила» Жуковского стала эталоном баллады романтического периода, текстом, который открыл дискуссию о национальной балладе и с которым соревновались другие авторы¹.

Спустя два года на страницах того же журнала было напечатано стихотворение Н. Ф. Грамматина «Услад и Всемила» с подзаголовком «Старинная русская баллада» (1810). До настоящего времени исследователи считали это произведение вариацией на сюжет баллады Жуковского и ее немецкого образца [Альтшуллер,

¹ Современная оценка и библиография вопроса: [Вётшева, Жилиякова, 2008; Канунова, 2008; Матяш, 2008].

Лотман, 1971, с. 838; Данилевский, 2017, с. 87]. Опыт Жуковского, по-видимому, действительно оказал влияние на выбор стихотворного размера и на разработку женского образа. Однако непосредственным сюжетным источником для поэтического вдохновения Грамматина стала баллада английского писателя М. Г. Льюиса об Алонзо и Имоджине (1796).

В задачи настоящей статьи входит сравнение «Услада и Всемилы» с прототипом для выявления авторских акцентов в заимствованном сюжете, а также установление влияния на замысел Грамматина образов и речений русских былин на схожий сюжет. Эти задачи обусловлены известными творческими интересами Грамматина. Попутно мы попытаемся решить вопрос о непосредственном источнике знакомства Грамматина с английской балладой. В конце статьи мы коснемся вопроса об укорененности опыта Грамматина в русской балладной традиции.

В нескольких словах напомним историю возникновения льюисовской баллады. Будучи в Германии, Льюис познакомился с немецкими переводами народных английских баллад о Вильяме и Маргарите и созданными не без их влияния балладами «Ленора» (1773) и «Леонардо и Бландина» (1776) Г. А. Бюргера. По возвращении в Англию Льюис дебютировал с романом «Монах» (1796), в который наряду с другими балладами был помещен «Храбрый Алонзо и прекрасная Имоджина» («Alonzo the Brave and the Fair Imogine») ². Роману одновременно сопутствовали громкий успех и скандал как в Англии, так и в континентальной Европе [Parreaux, 1960, p. 81–143; Вацура, 1975; 2002б]. Между тем именно баллада об Алонзо и Имоджине сразу завоевала одобрение читателей и критиков: в виде отдельной публикации попала в летучие листки, была удостоена отзывов в литературных обзорах и журналах и даже балетной постановки [Parreaux, 1960, p. 50–52, 63, 64; Dias Marques, 1987, p. 264, 284–285]. Баллада практически сразу вошла в европейскую литературу – появились отклики на нее, переводы и подражания. Она получила высокую оценку Р. Саути, С. Т. Кольриджа, В. Скотта, Дж. Байрона, У. Хэзлитта и др. [Parreaux, 1960; Dias Marques, 1987, p. 264, 285–286; Wilson, 1997]. Не раз она была опубликована в антологиях баллад, коллеги Льюиса по авторскому цеху отмечали ее новаторский характер в плане близости к народной простоте и в изящной ритмике [Dias Marques, 1987, p. 285–286; Folgado, 2008, p. 764; Robinson, 2013].

В романе Льюиса баллада об Алонзо и Имоджине подана как подлинно народная, взятая из сборника старинных испанских баллад. Это обстоятельство, безусловно, отвечало общему направлению увлечений Грамматина – его интересу к народной поэзии, будь то русские подлинные памятники (сборник Кирши Данилова, Слово о полку Игореве) или принимаемые современниками за таковые литературные мистификации (поэмы Оссиана, Краледворская рукопись и др.). Его научный труд «Рассуждение о древней русской словесности» (1809) основывался на публикации былин сборника Кирши Данилова (Древние русские стихотворения, 1804), много лет спустя он дважды представил свой поэтический перевод Слова о полку Игореве (1821, 1823) и сопроводил его «Критическим рассуждени-

² Подробнее об истории создания романа и баллады об Алонзо и Имоджине см.: [Parreaux, 1960; Railo, 1964; Вацура, 2002б; Atkinson, 2018; Killen, 2000]. Аннотированная библиография работ, посвященных исследованию романа Льюиса «Монах», представлена в: [Frank, 1997].

ем...» (1822) [Левин, 1983; Проскурин, 1992; Творогов, 1995; Иванова, 2016]. В сферу его интересов входили английский язык и литература: в частности, он был создателем русско-английского словаря для учащихся (М., 1808, ч. 1) и на протяжении многих лет трудился над переводом поэм Оссиана, в результате чего оставил самый большой корпус переводов творений Макферсона из всех русских авторов своего времени [Левин, 1983]. Грамматин вполне мог познакомиться с балладой Льюиса на языке оригинала. Не исключено, что ему мог быть известен русский перевод романа Льюиса и, соответственно, входящих в него баллад, сделанный с французского И. Росляковым и И. Павленковым (1802–1803)³. Нельзя также сбрасывать со счетов, что с содержанием английской баллады наш автор мог познакомиться во французском или немецком переводах (все они вышли в 1797 г., при этом на французском языке вышло два перевода). Однако первые два текста остаются наиболее вероятными источниками знакомства с балладой об Алонзу и Имоджине. Для проверки выводов нами был привлечен к сравнению доступный нам французский перевод 1797 г. (Lewis, Le Moine)⁴.

В основе баллады Льюиса и вслед за нею баллады Грамматина лежит переосмысленный фольклорный сюжет, который в исследовательской литературе получил название «Муж на свадьбе жены» (индекс АТУ 974, согласно указателю сказочных сюжетов)⁵. В отличие от архаического сюжета, балладный извод имеет своим обязательным компонентом мотив неверности и завершается приходом на свадьбу призрака или мертвеца, который увлекает вероломную возлюбленную в могилу⁶.

Грамматин идет по стопам льюисовского сюжета, насыщая свою балладу национальным колоритом. Он создан при помощи условно-исторического фона (молодой витязь Услад отправляется в Литву для защиты родного края и царя), включения архаизованной лексики ('ланиты', 'храмина', 'драгий', 'златой'), фольклорных образов и выражений.

³ О русском переводе романа М. Г. Льюиса «Монах» см.: [Вацуру, 2002в, с. 206–215].

⁴ Во Франции в 1797 г. вышло два перевода романа. Первый был представлен двумя изданиями под заголовком «Le Moine», переводчики J. M. Deschamps, J. B. D. Després, P. V. Benoist, P. B. de Lamare (Paris: Maradan, 4 vols.; Paris, 2 vols.) Второй перевод, анонимный, вышел под заглавием «Le jacobin espagnol, ou Histoire de moine Ambrosio et de la belle Antonia, sa sœur» (Paris: Favre, 4 vols.). В последующие годы выходили переиздания, новый перевод романа вышел в 1840 г. В работе В. Э. Вацуру появление перевода под заглавием «Le jacobin espagnol...» ошибочно отнесено к 1798 г., в то время как в 1798 г. это было уже повторное издание [Вацуру, 2002б, с. 161, 165]. Наши данные опираются на несколько источников: специальная статья Ж. Прюно [Prungnaud, 1994, p. 43], генеральный каталог Французской Национальной библиотеки (<https://catalogue.bnf.fr/>), посвященная фантастике французская база данных Le visage vert (<http://levisagevert.com/bibliographie-auteurs>). К сожалению, нам не удалось привлечь французский перевод баллады в составе «Le jacobin espagnol...».

⁵ Обязательными звеньями фольклорно-новеллистического сюжета являются: вынужденный отъезд жениха (мужа), обязательство невесты (жены) ждать его до определенного срока, истечение срока, назначение свадьбы с другим, появление незнакомца на свадебном пиру, узнавание жениха (мужа) и воссоединение с ним, см.: [СУС, 1979, с. 249–250; Hansen, 2002, p. 201–211].

⁶ О балладных изводах сюжета «Муж на свадьбе жены» см.: [Вацуру, 2002а; Курышева, 2019].

Финал баллады Грамматина оставляет двойственное впечатление. В сцене свадебного пира внезапно появившийся мертвый жених возвращает кольцо неверной возлюбленной, при этом предъявляет права на нее и забирает с собой в мир мертвых:

*Он кольцо вручил Всемиле,
Страсти пламенной залог:
“Торжествуй! Усад в могиле...” <...>*

...из могилы
Он восстал (о, страшный вид!),
Стынет в жилах кровь Всемилы,
Гром ужасный в слух разит;
“Ты моя! ничто на свете
Нас не может разлучить”.
Так Всемилы дней во цвете
Прервалась жизни нить
(Грамматин, 1971, с. 325–326) ⁷.

Возвращение невесте кольца, которое она надела на руку жениху при расставании, казалось бы, символизирует ее освобождение от брачного обязательства. Однако невеста умирает, поскольку их связь нерушима. Читательское впечатление от финала как некоторого противоречивого авторского «послания» находит объяснение в установлении второго источника вдохновения Грамматина. В поисках художественных образов для своей баллады автор обратился к национальному фольклору. В частности, национальному эпосу известны и мотив брачного посмертного обязательства, и сюжет о возвращении мужа к свадьбе жены. Например, обязательство в случае смерти одного из супругов другому идти живым в могилу содержит былина о Потуке Михайле Ивановиче из известного Грамматину Сборника Кириши Данилова (№ 23). И все-таки мы усматриваем непосредственное влияние на замысел баллады об Усладе и Всемиле двух других былин Сборника – о Соловье Будимировиче (контаминация двух сюжетов – о сватовстве и возвращении мужа к свадьбе жены), о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче (сюжет о возвращении мужа к свадьбе жены). Определенно, Грамматин почувствовал родство сюжетов английской баллады и русских былин.

Рассмотрим подробнее. Английскую балладу открывает сцена расставания Алонзо и Имоджины. Героиня произносит клятву верности: она обещает принадлежать только возлюбленному, независимо от того, живой он или мертвый. В противном случае его призрак в праве прийти к ней на свадьбу, уличить ее в вероломстве и гордыне и забрать с собой в могилу:

“Oh, hush these suspicions,” Fair Imogine said,
“Offensive to love and to me!
For if you be living, or if you be dead,
I swear by the Virgin that none in your stead
Shall husband of Imogine be.
“If e’er I, by lust or by wealth led aside
Forget my Alonzo the Brave,

⁷ Здесь и далее в цитатах курсив мой. – Л. К.

Got grant, that to punish my falsehood and pride,
Your ghost at the marriage may sit by my side,
May tax me with perjury, claim me as bride,
And bear me away to the grave!”
(Lewis, 1796, p. 47).

В английской балладе обет верности облечен в форму юридического договора, заключенного перед лицом небес. Он сформулирован в терминах права на судебное разбирательство в случае нарушения брачного обязательства: «Твой призрак... вправе обвинить меня в клятвопреступлении, заявить права на меня как на невесту» (подстрочный пер. мой. – Л. К.). Появившийся на свадебном пиру мертвец в присутствии гостей напоминает Имоджине ее клятву:

“Behold me, thou false one! behold me!” he cried;
“Remember Alonzo the Brave!
Got grant, that to punish thy falsehood and pride
My ghost at the marriage should sit by the side,
Should tax thee with perjury, claim thee as bride,
And bear thee away to the grave!”
(Lewis, 1796, p. 49).

Французский и русский переводы баллады сохранили тему договора о брачном обязательстве:

Le preux Alonzo et la belle Imogine
(1797)

Moi t’oublier! Non, non, jamais,
Cher Alonzo! répond la belle!
Mort ou vivant, je te promets
De te rester toujours fidelle.

Si j’étois parjure à ma foi,
Que le jour de mon mariage,
A table, assise auprès de moi,
Mes yeux revoient ton image!

Que le fantôme d’Alonzo
Atteste ses droits sur mon ame!
Qu’il m’entraîne dans le tombeau,
En criant : “*Elle étoit ma femme*”!

<...>
Vois le fantôme d’Alonzo;
Rends-moi mes droits; je les réclame.
Suis-moi, je t’entraîne au tombeau...
Chevaliers, elle étoit ma femme!
(Lewis, 1797, p. 144, 145)

Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина (1803)

Тебя забыть? нет! нет! клянусь!
Тебя во веки не забуду,
К тебе во век не пременюсь
Мертва или жива я буду;

Когда же клятву я нарушу;
То пусть в день свадьбы моя
Увижу бледну твою душу
Сидящую вблизи меня.

Пусть тень твоя тогда покажет
Свои права всем на меня,
Влача с собою в гроб пусть скажет;
Она была жена моя!

<...>
Всмотрись в мое изображение
Теперь пришел за правом я, -
Друзья! – Она была жена моя;
Пойдем со мною в подземелье!
(Льюис, 1803, с. 20, 22)

Грамматин тоже сохраняет мотив брачного обязательства: «Ты моя! ничто на свете / Нас не может разлучить». Клятва верности в начальной сцене баллады образно выражена мотивом кольца, надеваемого на белую руку:

“Ах! могу ль расстаться, милый,
Без тоски, без слез с тобой?”
*Золото кольцо снимала
С белой рученьки своей,
Другу на руку вздевала,
Чтобы помнил он об ней.*
“Может быть, давно могила
Ждет тебя в стране чужой;
Знай, не будет жить Всемила,
Свет ей мил одним тобой”
(Грамматин, 1971, с. 323).

Вот параллели из Сборника Кирши Данилова:

Пришла она к Соловью, поздоровалась,
Взела ево за рученьку белую
И пошла за столы белодубовы,
И сели оне за яства сахарныя.
...
Целовалися оне, миловалися,
Золотыми перстнями поменялися
([Про] Саловья Будимировича, 1977, с. 15, 13).

В целом русский вариант фольклорного сюжета «Муж на свадьбе жены» был широко распространен в форме былин о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче. Их записей сохранилось огромное число, в том числе относящихся к XVIII в. [Астахова, Митрофанова, 1960; Смирнов, Смолицкий, 1974]. В большей части версий эпоса о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче узнавание мужа женою происходит в момент, когда он посылает ей свой перстень в чарке вина. В Сборнике Кирши Данилова содержится две былины с сюжетом о возвращении мужа к свадьбе жены: Добрыня чудь покорил (№ 21), Соловей Будимирович (№ 1). Однако в них эпизод с узнаванием мужа либо выпущен (Добрыня чудь покорил), либо узнавание невестой нареченного происходит «по поступкам» (Соловей Будимирович). Приведем цитату из последней былины с описанием пира и узнаванием вернувшегося жениха:

Втапоры следовал со свадьбою Владимир-князь в дом свой.
И пошли во гридни светлыя,
Садилсь за столы белодубовыя,
За ества сахарныя,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою,
Тогда ласковой Владимир-князь
Велел подносить вина им заморския и меда сладкия,
Тот час по поступкам Соловья опазновали,
Приводили ево ко княжескому столу
([Про] Саловья Будимировича, 1977, с. 14).

В балладе Грамматина Всемила узнает незнакомца тоже «по поступкам»:

Речь и поступь ей знакомы,
Просит шлем пернатый снять
(Грамматин, 1971, с. 325).

Несмотря на то что самого мотива посылаемого в кубке вина кольца в сборнике Кирши Данилова нет, в былине о Соловье Будимировиче сохранился связанный с ним мотив – подношения чарок, угощения гостей вином (см. цитату выше)⁸. Яркой деталью пира в балладе Грамматина становится мотив кубков и изливаемого вина, которого нет ни в английском оригинале, ни во французском и русском переводах: «Алый сок драгий струится / В кубках серебряных, золотых; / На ланитах радость зрится, / Пьют здоровье молодых» (Грамматин, 1971, с. 325). Он включен в семантическую цепочку радости и движения жизни на свадебном пиру, которая оканчивается замиранием жизни в невесте при узнавании мертвеца: «Стынет в жилах кровь Всемилы» (Грамматин, 1971, с. 325).

Итак, Грамматин использует мотив кольца со значением обручения в начальной сцене баллады. В финальной сцене пира мотив посылки кольца в кубке не задействован (в эпосе этот жест был адресован только жене). Хотя этот мотив был популярен в русских былинах с сюжетом о возвращении мужа к свадьбе жены, но он отсутствует в сборнике Кирши Данилова, с которым был хорошо знаком Грамматин (знал ли он другие варианты, мы установить не можем). В балладе Грамматина кольцо остается символом брачного обязательства, но возврат кольца в событийном ряду имеет другую семантику – перед всеми присутствующими на пиру он обнажает вероломство невесты.

Грамматин «вышивает» по канве английской баллады, используя образы русской лирики и национальные эпические мотивы. Отсюда проистекает и появление в финале кольца как напоминания о брачном обязательстве, взятое из русского эпоса, и предъявление права на невесту, заимствованное из английской баллады. В английской балладе жених-призрак приходит на свадьбу во исполнение обета – невеста принадлежит ему, живому или мертвому (в той же мере эта тема повторена во французском и русском переводах). По сравнению с английским образцом Грамматин усиливает тему небесной кары за вероломство: жених-мертвец приходит не только от себя «лично» («Ты моя, ничто на свете нас не может разлучить»), в то же время он – посланец небес, посланец карающего Бога (аллитерационные ряды *гр-кр*: громы – гнев – карает – Бог – кровь):

Где, Всемила, обещастья?
Где хранитель-ангел твой?
Час разлуки, час свиданья –
Позабыто всё тобой.

...

*Страшно в гневе бог карает,
Им возжжен в нас огонь любви;
Бог изменниц не прощает,
Гнев свой тушит в их крови.*

<...>

⁸ Ср. с «полным» вариантом узнавания на пиру: «Выходила она з-за стола з-за дубового. / Наливала она чарочку да зелена вина, / Подносила Добрынюшке Микитичу, / Да выпил он чарочку зелена вина, / А Добрынюшка Микитин сын / Наливал стакан да меду сладкого / И спустил он да свой злачен перстень, / Которым перстнем они да обручались... / И она выпила стакан меду сладкого, / И прикатился перстень к устам ее сахарным» (Добрыня и Алеша (№ 59), 1974, с. 239).

Он кольцо вручил Всемиле,
Страсти пламенной залог:
“Торжествуй! Услад в могиле,
Но измену видит бог;
Спят в его деснице громы,
Но он злых готов карать!”

...

Зрит Услава: из могилы
Он восстал (о, страшный вид!).
Стынет в жилах кровь Всемилы,
Гром ужасный в слух разит;
“Ты моя! ничто на свете
Нас не может разлучить”.
Так Всемилы дней во цвете
Прервалася жизни нить.

Ах, красавицы, учитесь
Клятвы данные хранить,
Изменять любви страшитесь:
Есть творец, готовый мстить
(Грамматин, с. 324, 325).

Попытаемся решить вопрос, в каком виде мог познакомиться с балладой Льюиса Грамматин. Решение лежит в обнаружении следов влияния непосредственного источника (языка, образности) в русском варианте.

На возможное знакомство именно с английским оригиналом указывают несколько сходжений английского и русского текстов. В эпизоде с появлением нового жениха, который бросает к ногам героини несметные богатства, обратим внимание на описание подарков: драгоценности и золото у Льюиса – золото, дорогие ткани и алмазы в балладе Грамматина.

Alonzo the Brave and Fair Imogine
(1796)

To Palestine hastened the hero so bold;
His love, she lamented him sore:
But scarce had a twelvemonth elapsed, when
behold,
A Baron all covered with *jewels and gold*
Arrived at Fair Imogine's door.
His treasure, his presents, his spacious domain
Soon made her untrue to her vows;
He dazzled her eyes; he bewildered her brain;
He caught her affections so light and so vain,
And carried her home as his spouse.
(Lewis, 1796, p. 48)

Услад и Всемила.
Старинная русская баллада
(1810)

Чем разгнать печаль и скуку?
Сердцу где найти покой?
Получить Всемилы руку
Вот приехал князь молодой.
Злато, ткани дорогие
И алмазы ей дарит;
“Будь моею! дни златые
Потекут для нас”, – твердит.
Долго слушать не хотела
Слов, где лести яд был скрыт,
Быть изменницей робела;
Наконец Услад забыт.
(Грамматин, 1971, с. 324)

Возможно, на описание брачных подарков в балладе Грамматина оказали влияние образы из цитировавшейся выше былины о Соловье Будимировиче, в которой жених владеет золотой казной и в качестве даров князю Владимиру и его княгине, родным будущей невесты, подносит меха и расшитую золотом и серебром камку:

И подносит ...
... камку белохрущету.
Не дорога камочка – узор хитер
...
На злате и серебре – не погнется
([Про] Саловья Будимировича, 1977, с. 11).

Напротив, во французском переводе льюисовской баллады и сделанном с него русском описание даров дано обобщенно:

Le preux Alonzo et la belle Imogine
(1797)

Douze mois se sont écoulés...
Un Baron de haute origine,
Par mille présents étalés
Demande la main d'Imogine.

L'éclat du nom et des bijoux
Eblouit la belle, et l'enchanter.
Il est accepté pour époux.
La fête arrive, elle est brillante
(Lewis, 1797, p. 144)

*Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина*
(1803)

Протек год; – в знаменитом чине
Барон красивой и живой
Явился к милой Иможине
Ласкаяся ея рукой.

Баронство, блеск даров склонили –
Красотку быть его женой.
Тотчас день брака положили.
Приспел он – пир был дорогой!
(Льюис, 1803, с. 20)

Следующие схождения с английским оригиналом встречаем в эпизоде появления рыцаря-незнакомца на свадебном пиру. Невеста просит гостя обнажить голову. У Льюиса эпизод насыщен немymi сценами, замедляющими ход действия. Выполняя просьбу невесты, рыцарь медленно и театрально снимает шлем, затем следует восклицание повествователя, предваряющее потрясение героини. У Грамматина мы находим совпадения с льюисовским текстом в динамике сцены, в последовательности хода действия и в риторическом восклицании повествователя, которых нет во французском и русском переводах баллады:

Alonzo the Brave and Fair Imogine
(1796)

His presence all bosoms appeared to dismay;
The guests sat in silence and fear.
At length spoke the bride, while she trembled: "I
pray
Sir Knight, that your helmet aside you woud lay,
And deign to partake of our cheer".

*Улад и Всемила.
Старинная русская баллада*
(1810)

Речь и поступь ей знакомы,
Просит шлем пернатый снять.
Долго витязь не решался
Скинуть шлем с главы своей,
Наконец повиновался, –
Что ж представилось пред ней?

The lady is silent: *the stranger complies,*
His vizor he slowly unclosed;
Oh! God! *what a sight met Fair Imogine's eyes,*
What words can express her dismay and surprise,
When a sceleton's head was exposed!
(Lewis, 1796, p. 48)

Зрит Услава: из могилы
Он восстал (о, страшный вид!)
(Грамматин, 1971, с. 325)

Даже более того, во французском переводе качественная характеристика тянущегося времени никак не обозначена, а в русском переводе – жест гостя подчеркнута порывистый:

Le preux Alonzo et la belle Imogine
(1797)

Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина
(1803)

D'un ton qui marque sa frayeur,
A l'étranger elle s'adresse :
"Baissez votre casque, seigneur,
"Et partagez notre alégresse".

Le guerrier se rend à ses voeux.
O ciele! *ô surprise effroyable!*
Son casque ouvert à tous les yeux
Présente un spectre épouvantable
(Lewis, 1797, p. 145)

"Сними шишак свой – покажися
Младая с трепетом рекла,
Отбрось печали – веселися
Прошу сними шишак с чела".

Сказала – Рыцарь снял в минуту
Шишак и – выражений нет,
Кто мог предвидеть участь люту!
Сей Рыцарь – был сухой скелет
(Льюис, 1803, с. 21)

Мы рассмотрели возможные «следы» знакомства Грамматина с английским оригиналом в его произведении. Коснемся черт, которые сближают балладу Грамматина с русским и французским переводами баллады Льюиса. В «Усладе и Всемиле», а также во французском и русском переводах Алонзо и Иможины, нет вводной части английской баллады, в которой описываются обстоятельства прощания и вводятся характеристики героев. Все три баллады начинаются с прямой речи персонажа:

Le preux Alonzo
et la belle Imogine
(1797)

Храбрый Алонзо
и прекрасная Иможина
(1803)

Услад и Всемила. Старинная русская баллада
(1810)

Il le faut, disois un
guerrier
A la belle et tendre
Imogine,
Il le faut; je suis chevalier,
Et je pars pour la Palestine
(Lewis, 1797, p. 143)

Свершилось! – еду в Палестину!
–
Влюбленный рыцарь говорил,
Лаская нежну Иможину, –
Быть так; я рыцарь – есмь
и был!
(Льюис, 1803, с. 19)

Радость дней моих, Всемила!
Не грусти, не плачь о мне;
Без тебя мне жизнь постыла
Будет в дальней стороне.
Не грусти, за Русь святую,
За царя, за край родной,
На Литву иду клятую;
Скоро свидишься со мной
(Грамматин, 1971, с. 323)

Вторая черта, сближающая французский и русский переводы английской баллады и оригинальную балладу Грамматина, – отсутствие «фрэнетических» подробностей, характерных для английского оригинала, а именно: описания отвратительного вида мертвеца, ползающих по его черепу червей, ужаса невесты при похищении, пирушки призраков в опустевшем замке и криков несчастной⁹.

Однако отмеченные сходства могут не быть связаны с влиянием французского или русского переводов на балладу Грамматина, а быть обусловлены эстетическими принципами автора, сформировавшимся под влиянием Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, А. Ф. Мерзлякова, В. А. Жуковского¹⁰. Например, такой же быстрый ввод действия через речь персонажа, минуя зачин повествователя, был использован Жуковским в «Людмиле»: «Где ты, милый? Что с тобою? / С чужеземною красою, / Знать, в далекой стороне / Изменил, неверный, мне...» (Жуковский, 2008, с. 9).

Баллада Грамматина тесно связана с русской литературой традицией, в частности с ранними балладными опытами его литературных предшественников и наставников – Карамзина, Дмитриева, Жуковского, Мерзлякова¹¹. Также мы находим следы ее влияния на современников.

Как уже было отмечено исследователями, по-видимому, на выбор Грамматиным стихотворного размера для баллады – четырехстопного хорей – повлияла «Людмила» Жуковского. До Жуковского этим размером были написаны баллады «Граф Гваринос» Н. М. Карамзина (1789) и «Болеслав, король польский» М. Н. Муравьева (1790-е гг.).

Выбранные Грамматиным для персонажей славянские имена входят в устоявшуюся литературную традицию текстов с условно славянским колоритом. Имя мужского персонажа Услад восходит к славянским мифологическим лексиконам М. Д. Чулкова и М. И. Попова, согласно которым имя Ослад (Услад) носил языческий киевский бог «пирования и всяких роскошей» (Чулков, 1786, с. 303), «пиршеств и роскоши» (Попов, 1768). Это было повторено и развито Г. А. Глинкой в «Древней религии славян»: «бог веселья и жизненных услаждений, спутник Ладь» (Глинка, 1804). В магистерской диссертации Грамматин высказал сомнение относительно существования славянской богини любви Ладю, связывая вос-

⁹ Эта особенность русского и французского переводов романа «Монах» была отмечена В. Э. Вацуру, см.: [Вацуру, 2002б, с. 161–163; 2002в, с. 211–213].

¹⁰ Влияние карамзинского стиля прозы было велико. Так, В. Э. Вацуру отмечает черты в русском переводе «Монаха» 1803 г., говорящие об ориентации переводчиков на прозу Карамзина [Вацуру, 2002в, с. 212–213]. Приведем высказывание Ф. Ф. Вигеля, в котором он отдает должное умению Жуковского-переводчика даже «чудовищные» образы передать пленительно: «...мы в выборах его [Жуковского] увидели нечто чудовищное. Мертвецы, привидения, чертовщина, убийства, освещаемые луною, да это всё принадлежит к сказкам да разве английским романам; вместо Геро, с нежным трепетом ожидающей утопающего Леандра, представить нам бешено страстную Ленору со скачущим трупом любовника. Надобен был его чудный дар, чтобы заставить нас не только без отвращения читать его баллады, но, наконец, даже полюбить их» (цит. по: [Вётшева, Жиликова, 2008, с. 234]).

¹¹ Первые поэтические шаги Н. Ф. Грамматина были одобрены И. И. Дмитриевым, ему он посвятил свой первый стихотворный сборник; многолетняя дружба связывала Грамматина с А. Ф. Мерзляковым, В. А. Жуковским и М. В. Милоновым [Проскурин, 1992; Иванова, 2016].

кливание «ладо» в Слове о полку Игореве со значением «муж» [Иванова, 2016, с. 877]. Для художественного произведения вопрос достоверности реконструкций, по-видимому, не был существенен, поскольку славянский языческий пантеон и колорит давно стали частью поэтического языка. Семантика имен в грамматинской балладе контрастирует и резонирует с судьбой персонажа, чем усиливается драматический эффект развязки. Имя Услад как будто предвещает герою счастливую судьбу, тем острее звучит тема его ранней добровольной гибели на поле боя: «В цвете дней Услад средь боя / Жизнь отчизне в дар принес; / В землю скрыли прах героя, / И никто не пролил слез» (Грамматин, 1971, с. 325)¹². В финале Услад, носящий имя божества пиров, является призраком на свадебном пиру и вершит небесное правосудие. Имя Всемила вначале сообщает нам об общей милотности героини (ср. с Милоликой в балладе И. И. Дмитриева «Старинная любовь», 1805). Но во второй строфе через ассонансы и аллитерацию (*всемила – свет – ей – мил – одним – тобой*) усиливает оксюморонное столкновение «всех» в имени и обещание любить одного, предвещает ее измену: «Может быть, давно могила / Ждет тебя в стране чужой; / Знай, не будет жить *Всемила*, / Свет ей *мил одним* тобой» (Грамматин, 1971, с. 323). Позднее П. А. Катенин использовал в своих балладах оба имени. Услад – это певец, поэт и воин в двух его балладах – «Певец (из Гёте)» (1815) и «Певец Услад» (1817). В последней балладе развит противоположный грамматинскому сюжет: ранняя смерть уносит Всемилу, возлюбленную Услада, он ищет утешения в ратных подвигах и жизни вне родины, хранит верность возлюбленной и надеется воссоединиться с ней после смерти.

В грамматинской балладе при расставании Услад убеждает возлюбленную не грустить и не плакать о нем, но молиться о его возвращении:

Радость дней моих, Всемила!
Не грусти, не плачь о мне;
Без тебя мне жизнь постыла
Будет в дальней стороне.
Не грусти, за Русь святую,
За царя, за край родной,
На Литву иду клятую;
Скоро свидишься со мной.
Пред святыми образами,
Пред всевидящим творцом
Лучше слезы лей ручьями
О возврате ты моем
(Грамматин, 1971, с. 323).

Этот мотив защищающей от смерти силы любви был популярен в литературе. Например, в выпуске «Иппокрены» (1800, ч. 7) был опубликован прозаический отрывок «Приятное прощание Вильяма с черноглазою Сусанной» – перевод стихотворения Дж. Ге¹³, в котором развита тема спасения от опасностей и даже смерти благодаря силе любви возлюбленной:

¹² Тематически этот эпизод связан с образами павших воинов, темой оплакивания погибших и примерами верности им в стихотворении А. Ф. Мерзлякова «Ратное поле» (1996).

¹³ Источник установлен Ю. Д. Левиным [1990, с. 207].

О Сусанна! любезная моя Сусанна! Мои обеты вечно будут истинны; позволь мне облобызать сии текущие слезы! мы отъезжаем для того только, чтоб опять веселее свидеться <...> Хотя война позовет меня от твоих объятий; но ты, милая Сусанна! не тужи о том. Хотя пушки будут греметь; но Вильям будет безопасен от ударов, и возвратится к своей любезной. Любовь будет отвращать назад те ядра, которые станут летать вокруг меня, дабы только не текли драгоценные слезы из Сусаннинных очей! (Приятное прощание..., 1800, с. 86–87).

По сравнению с английским прототипом Грамматин усложняет образ героини. В его балладе подробно изображены ожидание возвращения возлюбленного и душевные страдания Всемилы, подчеркнуты сомнения и метания прежде соглашения на брак с другим¹⁴. Безусловно, в этом сказалось влияние баллады Жуковского. Сравним внутренний монолог героини, темы долгого ожидания, сомнений и несбывшихся надежд, восклицания сочувствующего повествователя в двух балладах:

Людмила
(1808)

“Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила”.
Так Людмила приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздохала.
<...>
А Людмила?.. Ждет-пождет...
<...>
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! Прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет
(Жуковский, 2008, с. 9–10)

Услад и Всемила.
Старинная русская баллада
(1810)

Время мчится, пролетает,
Об Усладе слуха нет;
Дни Всемилы скорбь снedaет,
Ей противен белый свет.
Друга ждет назад всечасно,
День и ночь об нем грустит, –
Ожидание напрасно!
Ах, надежда тщетно льстит!
Не спешит Услад к Всемиле,
Вести к девице не шлет, –
Неужели он в могиле?
Неужель покинул свет?
<...>
Долго слушать не хотела
Слов, где лести яд был скрыт,
Быть изменницей робела;
Наконец Услад забыт
(Грамматин, 1971, с. 324)

Ряд художественных приемов Грамматина восходит к русской балладе предшествующего периода. Гром, гроза символизирующие небесную кару, были впервые использованы в балладах «Раиса. Древняя баллада» Н. М. Карамзина (1791) и «Неверность» (1781) М. Н. Муравьева: «...Грянул гром: / Сим небо возвестило гибель / Тому, кто погубил ее» (Карамзин, 1966, с. 104); «...и послышал / По спине он колесы / Громовой колесницы» (Муравьев, 1967, с. 211).

¹⁴ Ср. с описанием измены в балладе Льюиса: «His treasure, his presents, his spacious domain / Soon made her intrude to her vows; / He dazzled her eyes; he bewildered her brain; / He caught her affections so light and so vain, / And carried her home as his spouse» (Lewis, 1796, p. 48).

Для ранней русской баллады и сентиментальной прозы характерны авторские «вторжения» в решающие, эмоционально значимые моменты событийного ряда. Повествователь прямо обращается к персонажу, выражая оценку происходящему и сочувствие персонажу. Почти дословно Грамматин повторяет одно из таких восклицаний – обращение к героине в момент ее «падения» из повести Карамзина «Бедная Лиза» (1792): «Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?» (Карамзин, 1971, с. 600). Сравним: «Где, Всемила, обещаешь? / Где хранитель-ангел твой? / Час разлуки, час свиданья – / Позабыто всё тобой. / Ах! но что с Усладом будет...» (Грамматин, 1971, с. 324).

Грамматин вводит в свою балладу дидактический эпилог. Страшная картина кары за вероломство завершается обращением к красавицам, которое окрашено несколько легкими, шутливыми интонациями: «Так Всемилы дней во цвете / Прервалась жизни нить. / Ах, красавицы, учитесь / Клятвы данные хранить, / Изменить любви страшитесь: / Есть творец, готовый мстить!» (Грамматин, 1971, с. 326). Этот эпилог напоминает мягкий юмор, в который была обернута баллада И. И. Дмитриева «Старинная любовь» (1805). Балладный сюжет о трагической любви, завершающийся смертью персонажей, сопровождался у Дмитриева входением в тему и дидактически-шутливым выходом из нее. Вот вступление и завершение, обращенные к читательницам-«красавицам»: «Дай для красавиц я спою, / Как в старину певцы любили <...> Она... едва на труп взглянула / Увы!.. в последний раз вздохнула. / Красавицы! песнь эта быть!» (Дмитриев, 1967, с. 139, 141).

Наконец, мы должны указать на еще один текст, связанный своим происхождением с балладой Грамматина и балладой Льюиса. Это баллада С. П. Жихарева «Всеслав и Всемила». Решение вопроса о соотношении этих трех баллад остается делом будущего. Мы остановимся только на некоторых моментах. Определенно, баллада Жихарева была создана по мотивам баллады Льюиса об Алонзо и Имоджине и, возможно, с оглядкой на опыт Грамматина, в соревновании с ним¹⁵. Несколько осложняет дело вопрос о датировке жихаревской баллады. Она дошла до нас в рукописном виде, будучи включенной Г. Р. Державиным в 3-ю часть «Рассуждения о лирической поэзии» как образец неправильной баллады¹⁶. Думается, время создания баллады «Всеслав и Всемила» можно определить, опираясь на данные «Записок» Жихарева (в них нет никаких упоминаний о работе над балладами) и время работы Державина над 3-й частью «Рассуждения о лирической поэзии»: т. е. не ранее 1807 г. и не позднее 1816 г. С балладой Грамматина жихаревскую балладу сближают имя героини (Всемила) и тема небесной кары («За нарушенный обет / Посылают боги мщенье, / И измена – к аду след. – / Боги мстят за преступленье!» (Жихарев, 1986, с. 268)). Другие ее черты, скорее, свидетельствуют о знакомстве в какой-то форме с балладой Льюиса – на языке оригинала или через французский и русский переводы. Есть в ней общие мотивы с балладой Жуковского «Людмила» (например, мотив игры ветра и месяца в небе).

¹⁵ В своих записках С. П. Жихарев вскользь, хотя и довольно язвительно, отзывается о Грамматине (Жихарев, 1989; страницы согласно *Указателю имен*).

¹⁶ Подробнее об атрибуции см. в примечаниях В. А. Западова к опубликованной им рукописи: [Западов, 1986, с. 281].

Опыт Н. Ф. Грамматина вписывается в эксперименты других русских балладников конца XVIII – первого десятилетия XIX в. «Старинная русская» баллада «Услад и Всемила» была создана им по мотивам льюисовской баллады о храбром Алонзо и прекрасной Имоджине, которая в оригинальном романе была подана автором как старинная испанская баллада. При этом Грамматин для придания национального колорита своему произведению использовал отдельные образы и речения русской национальной эпической поэзии на близкий сюжет. Основанием для сведения этих разных источников стали общие воззрения Грамматина на древнюю поэзию. Результаты сравнения баллады Грамматина с английским источником и его французским и русским переводами говорят в пользу непосредственного знакомства автора с балладой Льюиса на языке оригинала. В меру своего таланта и эстетических ориентиров Грамматин создает балладу с сильным дидактическим элементом, в приемах и мотивах пользуется общим фондом ранней русской баллады – Карамзина, Дмитриева, Мерзлякова, Жуковского. Влияние текста «Услада и Всемилы» мы усматриваем в балладах Жихарева и Катенина¹⁷.

Список литературы

Альциуллер М. Г., Лотман Ю. М. Комментарии: Н. Ф. Грамматин. Услад и Всемила. Старинная русская баллада // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. 838 с.

Астахова А. М., Митрофанова В. В. Комментарии // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подгот. А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 255–304.

Вацуро В. Э. Г. П. Каменев и готическая литература // XVIII век. Сб. 10. Л., 1975. С. 271–277.

Вацуро В. Э. Н. М. Карамзин. «Остров Борнгольм». «Сиерра-Морена» // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002а. С. 78–104.

Вацуро В. Э. «Монах» М. Г. Льюиса и «фрэнетическая» готика // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002б. С. 151–166.

Вацуро В. Э. Перевод «Полночного колокола» Ф. Лэтома и «Монаха» М. Г. Льюиса // Вацуро В. Э. Готический роман в России. М., 2002в. С. 200–215.

Вёттисева Н. Ж., Жиликова Э. М. Баллады и повести Жуковского // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 229–240.

Данилевский Р. Ю. Немецкая литература в «Вестнике Европы» (1802–1830) // Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века: Сб. ст. и материалов. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 43–112.

Западов В. А. Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии». Приложение: Г. Р. Державин. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я // XVIII

¹⁷ Здесь отметим, что первым русским «откликом» на балладу Льюиса стала повесть Н. М. Карамзина «Сиерра-Морена» (1793) [Вацуро, 2002а, с. 97–101]. Безусловно, Грамматин не мог не быть знаком с повестью, но непосредственных следов влияния образов или трактовок Карамзина на балладу Грамматина мы не обнаружили. Кроме баллад Грамматина и Жихарева, известно также еще об одном переводе льюисовской баллады, сделанном Г. П. Каменевым; к сожалению, перевод не дошел до наших дней: [Вацуро, 1975].

век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 229–282.

Иванова Т. Г. Грамматин (Грамматин) Н. Ф. // Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. / Под ред. Т. Г. Ивановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. Т. 1. С. 874–877.

Канунова Ф. З. Примечания к текстам баллад: «Людмила» // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 266–270.

Курьшова Л. А. Стихотворная сказка Я. Б. Княжнина «Флор и Лиза» в контексте ранних русских баллад // Сюжетология и сюжетология. 2019. № 1. С. 104–122.

Левин Ю. Д. Английская поэзия XVII–XVIII вв. в русских переводах. 1745–1812. (Материалы для библиографии) // Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1990. С. 203–230.

Левин Ю. Д. Примечания к «Н. Ф. Грамматин. Конлад и Кютона» // Джеймс Макферсон. Поэмы Оссиана (James Macpherson The Poems Of Ossian). Изд. подгот. Ю. Д. Левин. Л.: Наука, 1983. С. 561–563. (Серия «Литературные памятники»)

Матяш С. А. Стих баллад В. А. Жуковского // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 241–262.

Прокурин О. А. Грамматин, Грамматин Н. Ф. // Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1992. Т. 2 (Г–К) С. 10–11.

СУС – Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Былины о Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче // Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. С. 341–460.

Творогов О. В. Грамматин Николай Федорович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 2: Г–И. С. 55–56.

Atkinson D. Gothic Beginnings: Dead Lovers Return // Atkinson D. The Ballad and Its Pasts. Literary Histories and the Play of Memory. Cambridge, 2018. P. 67–102.

Dias Marques J. J. Une ballade gotique anglaise dans la tradition orale de Tras-os-Montes // Litterature orale traditionnelle populaire. Acte du Colloque: Paris, 20–22 novembre 1986. Paris: Fondation Calouste Gulbenkian: Centre culture portugais, 1987. P. 257–299.

Folgado V. L. “Alonzo the Brave”: a Gothic literary ballad // Alfinge: Revista de filologia. 2008. № 20. P. 69–81.

Frank F. S. The Monk: A Bicentenary Bibliography // Romanticism on the Net. 1997. Iss. 8, November. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1997-n8-ron420/005776ar/>

Hansen W. Ariadne’s thread. A guide to international tales found in classical literature. Ithaca-London: Cornell University Press, 2002. 548 p.

Killen A. M. Roman terrifiant ou roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu’en 1884. Genève, Slatkine Reprints, 2000. 255 p.

Parreaux A. The Publication of *The Monk*. A Literary Event (1756–1798). Paris: Librairie Marcel Didier, 1960. 202 p.

Prungnaud J. La traduction du roman gothique anglais en France au tournant du XVIIIe siècle // TTR: traduction, terminologie, redaction. 1994. Vol. 7, no. 1. P. 11–46.

Railo E. The Haunted Castle: A Study of the Elements of English Romanticism. New York: Humanities Press, 1964. 388 p.

Robinson D. Gothic Prosody: Monkish Perversity and the Poetics of Weird Form // Transnational Gothic. Literary and Social Exchanges in the Long Nineteenth Century / Eds. M. Elbert, B. M. Marshall. Farnham: Ashgate, 2013. P. 155–171.

Wilson L. M. “Monk” Lewis as Literary Lion // Romanticism on the Net. 1997. Iss. 8, November. URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron420/005775ar/>

Список источников

Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Древняя_религия_славян_\(Глинка\)/Боги_выспренние#Услад](https://ru.wikipedia.org/wiki/Древняя_религия_славян_(Глинка)/Боги_выспренние#Услад)

Грамматин Н. Ф. Услад и Всемила. (Старинная русская баллада) // Поэты 1790–1810-х годов. Л.: Сов. писатель, 1971. С. 323–326. (Библиотека поэта; Большая серия)

Дмитриев И. И. Старинная любовь. Баллада // Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. П. Макогоненко. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 139–141. (Библиотека поэта. Большая серия)

Добрыня и Алеша (№ 59) // Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий. М.: Наука, 1974. С. 236–240.

Добрыня чудь покорил // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / 2-е доп. изд. подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. С. 106–110. (Серия «Литературные памятники»)

[*Жихарев С. П.*] Всеслав и Всемила (в составе Приложения «Г. Р. Державин. Продолжение о лирической поэзии. Часть 3-я» к статье В. А. Западова «Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии»») // XVIII век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л.: Наука, 1986. С. 268–270.

Жихарев С. П. Записки современника: В 2 т. Л.: Искусство, 1989. Т. 1. 311 с.; Т. 2. 525 с.

Жуковский В. М. Людмила // Жуковский В. М. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М.: Языки русской культуры, 2008. Т. 3: Баллады. С. 9–16.

Карамзин Н. М. Бедная Лиза // Русская проза XVIII века / Вступ. ст., сост. и примеч. Г. П. Макогоненко. М.: Худож. лит., 1971. С. 591–605. (Библиотека всемирной литературы. Т. 63)

Карамзин Н. М. Раиса. Древняя баллада // Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. С. 101–104. (Библиотека поэта. Большая серия)

[*Льюис М. Г.*] Храбрый Алонзо и прекрасная Иможина // [Льюис М. Г.] Монах, или Пагубные следствия пылких страстей. Сочинение Гж. Радклиф / Пер. с фр. И. Пвнкв и И. Рслкв. СПб.: При Императорской Академии наук, 1803. Ч. 4. С. 19–23.

Муравьев М. Н. Неверность // Муравьев М. Н. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. И. Кулаковой. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 210–211. (Библиотека поэта. Большая серия)

Попов М. И. Описание древнего славянского языческого баснословия. М., 1768.

Приютное прощание Вильяма с черноглазою Сусанной // Иппокрена, или Утехи любословия. 1800. Ч. 7. С. 85–87.

[Про] Саловья Будимеровича // Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / 2-е доп. изд. подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. С. 9–15. (Серия «Литературные памятники»)

Чулков М. Д. Абевега русских суеверий. М., 1786.

Lewis M. G. Alonzo the Brave and the Fair Imogine // Lewis M. G. The Monk. London, 1796. Vol. 3. P. 47–49. URL: <https://archive.org/details/ParadiseLostandRegained/page/n367/mode/2up/>.

Lewis M. G. Le preux Alonzo et la belle Imogine // Lewis M. G. Le Moine / Trad. de l'anglais par J. M. Deschamps, J. B. D. Despres, P. V. Benoist, P. B. de Lamare. Paris, Maradan. An V (1797). T. 3. P. 143–146. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626870c/>.

References

Altshuller M. G., Lotman Yu. M. Kommentarii: N. F. Grammatin. Uslad i Vsemila. Starinnaya russkaya ballada [Comments: N. F. Grammatin. Uslad and Vsemila. Old Russian ballad]. In: Poety 1790–1810-kh godov [Poets of the 1790–1810s]. Leningrad, 1971, 838 p. (in Russ.)

Astakhova A. M., Mitrofanova V. V. Kommentarii [Comments]. In: Byliny v zapisyakh i pereskazakh XVII–XVIII vekov [Epics in the records and retelling of the 17–18th centuries]. Moscow, Leningrad, 1960, p. 255–304. (in Russ.)

Atkinson D. Gothic Beginnings: Dead Lovers Return. In: Atkinson D. The Ballad and Its Pasts. Literary Histories and the Play of Memory. Cambridge, 2018, p. 67–102.

Chistov K. V. (ed.) Sravnitel'nyj ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of plots. East Slavic tale]. Leningrad, 1979, 438 p. (in Russ.)

Danilevsky R. Yu. Nemetskaya literatura v “Vestnike Evropy” (1802–1830) [German literature in the “Bulletin of Europe” (1802–1830)]. In: Iz istorii russkoy perevodnoy khudozhestvennoy literatury pervoy chetverti XIX veka [From the history of Russian translated fiction in the first quarter of the 19th century]. St. Petersburg, 2017, p. 43–112. (in Russ.)

Dias Marques J. J. Une ballade gotique anglaise dans la tradition orale de Tras-os-Montes. In: Litterature orale traditionnelle populaire. Acte du Colloque: Paris, 20–22 novembre 1986. Paris, Fondation Calouste Gulbenkian, Centre culture portugais, 1987, p. 257–299.

Folgado V. L. “Alonzo the Brave”: a Gothic literary ballad. *Alfinge: Revista de filologia*, 2008, no. 20, p. 69–81.

Frank F. S. The Monk: A Bicentenary Bibliography. *Romanticism on the Net*, 1997, iss. 8 (November). URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1997-n8-ron420/005776ar/>

Hansen W. *Ariadne's thread. A guide to international tales found in classical literature*. Ithaca, London, Cornell University Press, 2002, 548 p.

Ivanova T. G. Grammatin (Gramatin) N. F. In: Ivanova T. G. (ed.) *Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskiy slovar'. XVIII–XIX vv.* [Russian folklorists: Biobibliographic dictionary. 18–19th centuries]. In 5 vols. St. Petersburg, 2016, vol. 1, p. 874–877. (in Russ.)

Kanunova F. Z. Primechaniya k tekstam ballad: “Lyudmila” [Notes to “Lyudmila”]. In: Zhukovsky V. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters]. In 20 vols. Moscow, 2008, vol. 3: *Ballady*, p. 266–270. (in Russ.)

Killen A. M. *Le Roman terrifiant ou roman noir de Walpole à Anne Radcliffe et son influence sur la littérature française jusqu'en 1884*. Genève, Slatkine Reprints, 2000, 255 p.

Kuryshcheva L. A. Ya. B. Knyazhnin's Tale in Verses *Flor and Lisa* in the context of early Russian ballads. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2019, no. 1, p. 104–122. (in Russ.)

Levin Yu. D. *Anglijskaya poeziya XVII–XVIII vv. v russkikh perevodakh. 1745–1812. (Materialy dlya bibliografii)* [English poetry of the 17th–18th centuries in Russian translations. 1745–1812. (Materials for bibliography)]. In: Levin Yu. D. *Vospriyatie anglijskoj literatury v Rossii: Issledovaniya i materialy* [Perception of English Literature in Russia: Research and Materials]. Leningrad, 1990, p. 203–230. (in Russ.)

Levin Yu. D. Primechaniya k “N. F. Grammatin. Konlad i Kyutona” [Notes to “N. F. Grammatin. Conlad and Coutona”]. In: Levin Yu. D. (ed.) *Dzhejms Makferson. Poemy Ossiana* [James Macpherson. The Poems of Ossian]. Leningrad, 1983, p. 561–563. (in Russ.)

Matyash S. A. *Stikh ballad V. A. Zhukovskogo* [Verse of V. A. Zhukovsky's ballads]. In: Zhukovsky V. M. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem* [Complete Works and Letters]. In 20 vols. Moscow, 2008, vol. 3: *Ballady*, p. 241–262. (in Russ.)

Parreaux A. *The Publication of The Monk. A Literary Event (1756–1798)*. Paris, Librairie Marcel Didier, 1960, 202 p.

Proskurin O. A. Grammatin, Gramotin N. F. In: Nikolaev P. M. (ed.) *Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskiy slovar'* [Russian Writers: 1800–1917. Biographical Dictionary]. Moscow, 1992, vol. 2, p. 10–11. (in Russ.)

Railo E. *The Haunted Castle: A Study of the Elements of English Romanticism*. New York, Humanities Press, 1964, 388 p.

Robinson D. *Gothic Prosody: Monkish Perversity and the Poetics of Weird Form*. In: Elbert M., Marshall B. M. (eds.) *Transnational Gothic. Literary and Social Exchanges in the Long Nineteenth Century*. Farnham, Ashgate, 2013, p. 155–171.

Smirnov Yu. I., Smolitsky V. G. *Byliny o Dobryne Nikitiche i Aleshe Popoviche* [Epics about Dobryna Nikitich and Alyosha Popovich]. In: *Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich* [Dobrynya Nikitich and Alyosha Popovich]. Moscow, 1974, p. 341–460. (in Russ.)

Tvorogov O. V. Grammatin Nikolaj Fedorovich. In: *Entsiklopediya “Slova o polku Igoreve”* [Encyclopedia “Words about Igor's Campaign”]. In 5 vols. St. Petersburg, 1995, vol. 2, p. 55–56. (in Russ.)

Vacuro V. E. “Monakh” M. G. L'yuisa i “freneticheskaya” gotika [The Monk by M. G. Lewis and the Phrenetic Gothic]. In: Vacuro V. E. *Goticheskiy roman v Rossii* [Gothic novel in Russia]. Moscow, 2002, p. 151–166. (in Russ.)

Vacuro V. E. G. P. Kamenev i goticheskaya literature [G. P. Kamenev and the Gothic Literature]. In: XVIII vek [18th century]. Leningrad, 1975, iss. 10, p. 271–277. (in Russ.)

Vacuro V. E. N. M. Karamzin. “Ostrov Borngol'm”. “Sierra-Morena” [N. M. Karamzin. “Bornholm Island”. “Sierra Morena”]. In: Vacuro V. E. Goticheskiy roman v Rossii [Gothic novel in Russia]. Moscow, 2002, p. 78–104. (in Russ.)

Vacuro V. E. Perevod “Polnochnogo kolokola” F. Letoma i “Monakha” M. G. Lyuisa [Translation of The Midnight Bell by F. Lathome and The Monk by M. G. Lewis]. In: Vacuro V. E. Goticheskiy roman v Rossii [Gothic novel in Russia]. Moscow, 2002, p. 200–215. (in Russ.)

Vyotsheva N. Zh., Zhilyakova E. M. Ballady i povesti Zhukovskogo [Zhukovsky's Ballads and Stories]. In: Zhukovsky V. M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [Complete Works and Letters]. In 20 vols. Moscow, 2008, vol. 3: Ballads, p. 229–240. (in Russ.)

Wilson L. M. “Monk” Lewis as Literary Lion. *Romanticism on the Net*, 1997, iss. 8 (November). URL: <https://www.erudit.org/en/journals/ron/1900-v1-n1-ron420/005775ar/>

Zapadov V. A. Rabota G. R. Derzhavina nad “Rassuzhdeniem o liricheskoy poezii”. Prilozhenie: G. R. Derzhavin. Prodolzhenie o liricheskoy poezii. Chast' 3-ya [G. R. Derzhavin's work on “Discourse on Lyric Poetry”. Appendix: G. R. Derzhavin. Continuation of lyric poetry. Part 3]. In: XVIII vek [18th century]. Leningrad, 1986, iss. 15, p. 229–282. (in Russ.)

Сведения об авторе

Курьшева Любовь Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

kurysh@mail.ru

ORCID 0000-0001-6796-2413

Information about the Author

Lyubov A. Kuryшева – Candidate of Philology, Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

kurysh@mail.ru

ORCID 0000-0001-6796-2413